

12. Black C.E. The dynamics of modernization: a study in comparative history. New York: Harper@Row, 1966.

13. Образование в условиях формирования нового типа культуры: материалы круглого стола. 24 января, 17 февраля 2003 года. СПб.: СПбГУП, 2003.

Vladislav A. Smirnov

REALITIES AND MODELS OF THE ANTE ERA. MODEL OF EDUCATIONAL TRIPLE HELIX

Abstract. Among the actual problems of the *ante* era, the futurization of education has been singled out in this work.

The model of the Educational Triple Helix (ETH) is proposed, in which education is represented as three spiraling-developing processes: teaching, socialization, cultururation. Within the framework of the ETH model, the main large-scale modernizations in the Russian society, their dominant factors and social forces were considered.

Key words: *ante* era, model of the Educational Triple Helix, human capital, modernization, dominating factor, social power.

УДК 101.1: 316

И.В. Демин

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ПОСТМОДЕРНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ?

Аннотация. В статье представлена интерпретация состояния мира начала XXI в. как Нового Средневековья, которое наполняется противоречивыми и разнонаправленными тенденциями, с одной стороны, триумфа постмодерного эклектизма и роста зачатков нового метафизического сознания – с другой. Автор отрицает распространенный сегодня в западной философии отказ от убеждений классической философии, связанных с поиском абсолютных оснований устойчивого, упорядоченного и целостного единства мира, и предлагает сосредоточиться на выявлении предпосылок в современной социальной реальности для их будущего обновления. Постмодерн в некоторой степени отходит от грубого формализма рационалистического Модерна, производя реальную, исходящую от микроуровня социальной жизни, интеграцию и начиная формировать постэкономическую систему

ценностей. Однако данная тенденция, которая и должна послужить отправной точкой для возрождения метафизического сознания, пока заглушается негативными сторонами свойственных Постмодерну эклектизма и морального релятивизма.

Ключевые слова: Новое Средневековье, Постмодерн, эклектизм, моральный релятивизм, идеалы, идолы, истина, мнения, метафизическое сознание.

Концепция «Нового Средневековья», применяющаяся для характеристики довольно разнородных явлений и процессов социальной реальности, уже не нова. И отечественные, и зарубежные философы, имея в виду никогда не заканчивающуюся цикличность исторического развития, давно предрекают, предчувствуют наступление новой эпохи – эпохи Нового Средневековья. И в начале XX в., и в начале XXI в. остро чувствуется атмосфера исчерпания жизненной энергии той цивилизации, которую мы именуем цивилизацией Нового времени, цивилизацией Модерна. И тогда совершенно естественно, что предшествовавший ей тип развития общества и культуры, Средневековье, должен как-то повториться на новом витке истории в своих наиболее положительных достижениях. Никогда не бывает полного возврата – более того, он и абсолютно противоестественен, – но всегда необходимо для понимания перспектив общества углублять когда-то отринутые принципы, реанимировать их в новых, современных условиях. Мне представляется – и я попытаюсь это доказать в настоящей статье, – что возрождение средневекового миропонимания, вопреки бытующему стереотипу о «темных веках», не только желательно в перспективе некоторого идеального будущего для спасения человеческой цивилизации от сегодняшних кризисов, но и уже имеет вполне реальные предпосылки в современном обществе, которое все чаще проявляет, пусть и в карикатурном виде, множество черт средневекового миропонимания.

Выше я написал о кризисе цивилизации Модерна, но если для начала XX столетия в эпоху мировых войн и революций это было по-настоящему актуально, то в ситуации начала века XXI уже приходится больше говорить о кризисе состояния Постмодерна, к которому пришла эта цивилизация в середине XX столетия. Не случайно Дж. Грей, определяя современность – Модерн «как эпоху, когда метафизические и религиозные убеждения классических и христианских времен отброшены или маргинализированы, а опиравшимся на них моральным категориям и надеждам придан секуляризованный или натуралистический характер в гуманистических доктринах автономного разума, исторического прогресса, романтического самосозидания и им подобных идеях», уверяет вслед за Ницше, что это изначально была промежуточная эпоха на пути к другой – той, которая окончательно отбросит все эти классические убеждения, питавшие западную культуру начиная с античности [4, с. 292–293]. И Постмодерн действительно отбросил метафизическое сознание классики, более не прикрывая этот

отход критикой разума в кантианском стиле, рационализмом, эмпиризмом, гуманизмом и либерализмом. И ниспровержение «логоцентризма», и «закат метанарраций», и «смерть субъекта», и «смерть истории» — все эти постмодернистские характеристики уже были так или иначе «посеяны» в суверенном, секуляризованном сознании человека Модерна, отпавшего от Бытия, от Абсолюта, от всего сверхиндивидуального и, самое главное, провозгласившего это отпадение своим «прогрессивным», «взрослым» устроением. Тот же Грей как представитель англо-американской (аналитической) традиции очень спокойно взирает на такие руины всей «осевой» рациональности Запада, не веря в возможность хотя бы какого-то возвращения к досовременному состоянию, призывая принять фиаско «серьезных» поисков Истины как должное, «легко и играючи». Со свойственной англосаксам ироничной легкостью он убеждает отказаться от любой «ностальгии по Бытию», ведь только тогда, по его мнению, «отрешившись» от поиска метафизических и трансцендентальных оснований всего сущего, мы сможем позволить «вещам быть», не будучи озабочены непрерывной их переделкой в соответствии с чрезвычайно возвеличенной человеческой субъективностью как «мерой всех вещей» [4, с. 294–295]. Я полагаю, что этот призыв более чем наивен: освобождение от религии «человекобожества» нельзя осуществить без обращения личности к макрокосму, трансценденции — всему то, что выше отдельного человека, без обращения к подлинной античной рациональности как антиподу инструментальной рациональности Модерна, а также той обоснованной гармоничности веры и разума, которая была дана средневековым стилем мышления.

Чтобы не запутаться в дальнейшем изложении, надо сразу определиться с термином «современность»: с одной стороны, «современность» — это просто текущий этап общественно-исторического развития, с другой — обозначение совершенно определенного проекта Нового времени, получившего свои базисные основания в ориентирах Возрождения и Просвещения. С точки зрения второго определения современности человечество начала XXI в. — это уже Постсовременность, Постмодерн, который можно и нужно преодолеть. С точки зрения первого определения современности в настоящий момент истории мы можем проследить и «схватить» некоторые «точки роста», которые являются началом уже новой эпохи — эпохи возрождения метафизического сознания. В любом случае и в антиметафизическом Постмодерне, и в пока едва просвечивающем новом метафизическом проекте мы в состоянии разглядеть черты новосредневекового мирозерцания. Проблема здесь заключается в следующем: как сделать так, чтобы близкие к Новому Средневековью, однако в сущности нигилистические признаки Постмодерна «облагородились» бы метафизичностью нового сознания? От решения этого вопроса будет в конечном счете зависеть будущий облик Нового Средневековья: омертвеет ли оно в постмодерном эклектизме или преодолеет его на пути к более творческому и положительно-му состоянию.

Как известно, Модерн грешил всеобщей рационализацией, дошедшей до голого формализма, и пагубной индивидуализацией (автономизацией) человека от Бога, природы и человека. В международной политике это обернулось победой заветов политического реализма – торжеством Вестфальской системы и гиперационализма. Сегодня в эпоху глобализации представление о государстве – «бильярдном шаре» разрушено, и мир начинает походить во многом на многоуровневый мировой порядок сродни средневековому. Расшатывание государственной монополии на власть посредством транснациональности, трансграничности, регионализации, казалось бы, должно приводить от национальной атомизации Модерна к объединению человечества, к желанному универсализму Средневековья. При всем том номиналистические тенденции Нового времени изживаются исковеркано: еще Бердяев отмечал, что интерационализм (а это и есть ныне господствующая глобализация) «есть отвратительная карикатура на вселенность» [2, с. 533]. Вселенность – понятие более онтологичное, оно предполагает объединение человечества не на началах принудительных, в частности взвешенной материальной выгоды от экономической взаимозависимости, а на основе свободы, сознательного перехода к органической целостности людей, объединенных общими духовными ценностями. Экономический и юридический формализм, техницизм сегодняшней цивилизации не могут быть действенными опорами такой «органической» глобализации. Единственное, что они могут породить сегодня и в обозримой перспективе, – это, говоря словами А. Зиновьева, «глобальный человеконик». Договорный формализм Модерна здесь не уходит; отчужденная, самоизолирующаяся личность продолжает «барахтаться» в стихии ложного автономного сознания, отщепляющего ее от мира и людей. Флоренский неспроста подмечал конкретность, а отсюда и трудность христианского мышления в сравнении с отвлеченным, формалистическим мышлением Нового времени: средневековое миропонимание «опирается на чувство жизни и на пребывающее в жизни. <...> Каждым своим элементом... оно связано со всей сложностью жизни»; религиозному миропониманию «можно учиться, лишь живя вместе, разговаривая о погоде и делах житейских. В житейском надо усматривать цели высших причин» [6, с. 454]. В последнем тезисе Флоренского можно рассмотреть позитивную сущность для философско-элитарного мышления вроде бы «поверхностной», «нигилистической» философии повседневности, расцветшей в эпоху Постмодерна. Органичность социальных связей именно в повседневности, на микроуровне «маленького», «частного», «обычного», несомненно, даже более крепкая, но только при одном условии: если повседневность освобождена от фикций пошлых социальных ролей и статусности, демонстративного потребления и пр., если она приближается к персоналистической коммуникации, если она есть та «провинция», которую не хотел покидать Хайдеггер.

Чем характеризуется «глобальный человеконик» Постмодерна? Прежде всего – моральным релятивизмом, исходя из которого формируется и его

главный конституирующий признак — эклектизм. В свое время Бердяев писал о Новом Средневековье в аспекте появления «жизненной энергии спонтанных общественных групп и соединений», подразумевая под этим стремление вместо формалистики, «легитимизма» в познании и жизни к самой «жизни», ее «предметности, содержанию, хотя это стремление, подобно модернистской формальной свободе, еще и не знает своего «во имя» [2, с. 527]. В самом деле, мир эпохи глобализации изобилует такой жизненной энергией: в ускоренных информационных потоках, миграциях, онлайн-сообществах, виртуальных мирах, флешмобах, экологических и других общественных движениях — во всех этих формах спонтанной, свободной активности кристаллизуется сетевая организация постмодерного общества, где низовой уровень социальной жизни, микроуровень, выходит на первый план, а так называемая макрополитика все чаще остается определяющей лишь де-юре. Если добавить к этому еще и рост религиозного и этнического самосознания, попытки учета психологических и субкультурных факторов, социальные движения антипотребительства, то может создаться впечатление, что сегодняшний мир уже реализовывает так прогнозируемую теоретиками постиндустриального общества постэкономическую систему ценностей. На самом деле, разрушив модернистскую «железную клетку рациональности», Постмодерн пока продемонстрировал по большей части нарастание хаоса и общей усталости от «бардака», каким предстал мир после краха проекта Просвещения.

В децентрализации социальной жизни и разрастании, по видимости, совершенно антимодернистских ценностей кроется апофеоз нововременной индивидуализации. З. Бауман справедливо пишет о том, что в «жидкой» или «текучей» современности, каким ему представляется Постмодерн, отсутствуют «паттерны, кодексы и правила», которым нужно подчиняться как неким непреложным, устойчивым ориентирам. Их очень много, и все они зачастую противоречат друг другу. «Их характер изменился, и в соответствии с этим они реклассифицированы как *пункты в списке индивидуальных задач* (курсив мой. — *И.Д.*). Вместо того чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему (следуют из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов» [1, с. 14]. «Твердость» в социальной жизни всегда означает работу на вечность, ради так или иначе сформулированных абсолютных и сверхиндивидуальных целей. И тогда неминуемо придет осознание иерархии как должного соотношения между правильным и неправильным, обязанностей, долга, экзистенциальной ответственности в выборе жизненных «проектов». Всего этого в принципе нет в «текучести» современной жизни. «В “жидкой” современности правят те, — подчеркивает Бауман, — кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения» [1, с. 131]. А это как раз и означает совершенно произвольный выбор ценностей и ориентиров: хочешь — альтруизм, хочешь —

гедонизм, все это — исключительно потребительский выбор. К чему в реальности это приводит? Разумеется, к хаосу трудно, а иногда и совсем не сочетаемых стратегий поведения. В «Эссе о принудительном счастье» П. Брюкнер так описывает эту ситуацию: «Различные шкалы ценностей сочетаются, как по волшебству: доброта, сострадание повышают уровень иммуноглобулина А, антитела которого помогают преодолеть респираторную инфекцию, продлевают молодость, снимают депрессию; душевный покой привлекает друзей и приносит деньги; вера в Бога полезна для здоровья, и верующие дольше живут...» [3, с. 63–64]. Как видно из показательной выдержки, моральный релятивизм создает эклектику, в которой цели жизни нужны для средств жизни, а не наоборот, религиозность цинически профанируется, превращаясь в функцию для обслуживания безгранично растущих потребностей общества потребления. Брюкнер, рисуя картину «подслащенного буддизма» далай-ламы на Западе, определил роль последнего там как «чего-то среднего между семейным психологом, диетологом и духовником; он расточает советы, у него есть ответы на все вопросы, он полон терпимости и доброжелательности» [3, с. 68].

Постмодерный эклектизм отменяет идеалы. Идеалов нет, есть только идолы. Идолом человек провозглашает либо самого себя (нарциссизм), либо любую другую «звезду», пытаясь хоть как-то заполнить никуда не девшийся экзистенциальный вакуум. Внешне пребывая в «свободном плавании», что означает бесчисленные возможности по выбору самого себя, — медиа еще к тому же создают благодушную иллюзию о «безграничных перспективах», — человек оказывается заложником вечной тревоги за самого себя: как всегда оставаться в форме, быть впереди, выиграть в конкурентной борьбе. Моральная анархия как-то неминуемо скатывается в примитивную систему капиталистического Модерна, оставляя разве что иллюзию выбора. Насквозь материалистическая система ценностей (точнее, антиценностей) культивирует конформизм и желание «сиюминутной жизни». Гуманизм терпит финальный крах: о каком достоинстве человека следует говорить, когда он уже и не «вещь» в товарном обмене, как при капитализме, и не «винтик» в тоталитарной машине, как при коммунизме, — его просто нет, сама его идентичность поставлена под вопрос, она «расшатана» тем пространством симулякров, в котором он ежедневно пребывает. Наверное, и точно в состоянии «после оргии», как образно сформулировал Постмодерн Ж. Бодрийяр, — в состоянии конца времени героев, мучеников и больших проектов, безрезультатного завершения бесчисленных попыток построить «счастливое будущее» — человечеству остается одно: предусмотрительно заботиться о том, чтобы быть вечно здоровыми и молодыми. Культ молодости и телесности заполняет образовавшуюся во всечеловеческом масштабе духовную пустоту — очевидный признак небытия. Причем надо сказать, что нисхождение в эту пустоту сегодня — результат от-

рицания онтологического порядка (крушения всех высших начал в обществе) — не есть уже отличительная характеристика «массы», а, как это ни странно, характеристика того образования, которое ранее именовалось «элитой». Постмодерн и здесь переворачивает нормальную логику: при нем пестуются всевозможные круги квазиэлиты, оставляющей общество без духовного и интеллектуального руководства. Например, К. Лэш, не соглашаясь с более ранним диагнозом Ортеги-и-Гассета о наступлении масс на Западе, верно подмечает, что главная угроза в настоящее время идет именно от тех, кого традиционно именуют «элитой» общества. Сегодня как раз расположенные на верхних этажах общественной иерархии элементы «пугают» откровенным варварством своей, по Бердяеву, безграничной «похоти жизни». «Утрата чувства великого долга перед историей», равно как и утверждение «права на пошлость и пошлости как права», относится к так называемой «элите»: эта она потеряла веру в остатки ценностей и чувство границ, стоящих над индивидуумом. Сегодняшняя «масса» в этом плане аристократичнее, чем «элита» влиятельных представителей крупного бизнеса, высшего чиновничества, профессионального спорта и звезд шоу-бизнеса. «Они (массы. — *И.Д.*) понимают, как этого не понимают стоящие над ними, что бывают естественные границы человеческому контролю над ходом социального развития, над природой и телом, над трагическими началами в человеческой жизни и истории. Тогда как молодые специалисты подвергают себя строжайшему режиму физических упражнений и диетических предписаний, выработанных с тем, чтобы получить отсрочку у смерти — чтобы поддержать себя в состоянии непреходящей юношественности, вечно привлекательными и пригодными к новым брачным союзам, — обыкновенные люди, напротив, принимают телесное разрушение как нечто, бороться с чем более или менее бесполезно» [5, с. 25].

Единственным заслоном против варваризации социальной жизни и жизни человека мне представляется образ Нового Средневековья, позволяющий посредством реанимированной онтологичности восстановить в правах утраченное чувство границ, а значит, вернуть на подобающее ей место подлинную духовную элиту общества. Без такой духовной элиты с развитым метафизическим сознанием постсовременность обречена на продолжительное культурное отчаяние. Помимо отвержения идеалов, Постмодерн также элиминирует объективный ранг ценностей, ставя на место ценностей такие же «текучие», как и он сам, мнения. Эта давняя, высветившаяся еще в античности, проблема о различении подлинного знания и только кажущихся, смутных мнений по-новому акцентируется сегодня. Возрождение метафизического сознания в Новом Средневековье, используя наличные предпосылки достаточно «сумеречного» Постмодерна, должно привести односторонне истинное автономное сознание Модерна к свободе в Абсолюте, что невозможно без нового принятия объективного порядка ценностей. Тем не менее это не есть откат к досовременному гетерономному

сознанию. Творчески понимаемый Абсолют предполагает участие множества интерпретаторов для своего раскрытия, благодаря которым Абсолютное бытие высвечивается в разных гранях. В конце концов этот путь ведет нас к подлинному универсализму, при котором объединение мира — не механически-принудительный «глобальный человек», а общечеловеческая ценность «единства в многообразии» — свободное воплощение каждой части — и коллективов, и индивидов — внутри живого социального организма человеческой цивилизации.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бердяев Н.А. Новое Средневековье (Размышление о судьбе России и Европы) // Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 512–601.
3. Брюкнер П. Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье / пер. с фр. Н. Мавлевич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 240 с.
4. Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности / пер. с англ. под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 368 с.
5. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.
6. Флоренский П.А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 386–488.

Ivan V. Demin

CONTEMPORANEITY AS THE NEW MIDDLE AGES: POSTMODERN ECLECTICISM OR RENASCENCE OF METAPHYSICAL CONSCIOUSNESS?

Abstract. The article presents the interpretation of contemporary world as the New Middle Ages, filled with contradictory and mixed tendencies of, on the one hand, triumph of postmodern eclecticism and increasing of some rudiments of new metaphysical consciousness — on the other. The author negates a widespread in Western philosophy today refusal from the beliefs of classical philosophy connected with the search for absolute foundations of stable and well-ordered world unity, and proposes to focus on bringing to light contemporary premises for the future renovation of these beliefs. Postmodernity diverges to some extent from vulgar formalism of rationalistic Modernity creating a real, coming from the microlevel of social life, integration and becoming to promote posteconomical values. Meanwhile this tendency,

which ought to be a starting point for the renaissance of metaphysical consciousness, is still under the pressure of negative sides of postmodern eclecticism and moral relativism.

Key words: New Middle Ages, Postmodernity, eclecticism, moral relativism, ideals, idols, truth, opinions, metaphysical consciousness.

УДК.304

Т.В. Панфилова

В ЕВРОПЕ «ЗАКАТ», А В РОССИИ ЧТО?

Аннотация. Состояние, переживаемое западноевропейскими странами, укладывается в шпенглеровскую категорию «закат Европы». Положение России определяется тем, какое место на международной арене отвела ей господствующая в мире финансовая элита. Проводником ее политики выступает российское правительство. Чтобы адекватно осмыслить состояние России, надо определиться с рядом мировоззренческих положений.

Ключевые слова: закат Европы, культура, цивилизация, глобализация, империализм, всемирная история, идеология потребления.

Состояние современного мира не может нас не беспокоить. Однако беспокойство на обыденном уровне не поможет понять ни его истоков, ни возможностей его устранения. Необходим понятийный анализ.

«Закат» Европы сквозь призму обыденного сознания

Вопрос о том, переживает ли Европа состояние «заката», как предсказывал О. Шпенглер столетие назад, выглядит вполне современно даже для людей, далеких от шпенглеровской концепции, да и от философии истории вообще. Словосочетание «закат Европы», похоже, вошло в обиход и оторвалось от первоисточника, так что воспринимается уже не как специфический термин определенной теоретической конструкции, а как простая констатация факта. В свете недавних событий в Европе, связанных с наплывом мигрантов, а также с непрекращающимися террористическими атаками на фоне явной неспособности европейцев справиться с нарастающими угрозами, невольно в голову приходит мысль о каком-то неблагоприятии Европы. Тут-то память подсказывает словечко «закат». В то же время посещение западноевропейских стран вызывает у россиян смешанные и противоречивые чувства: это и смесь сожаления со злорадством из-за того, что европейские государства очевидно не справляются с проблемами, которые сами себе создали, надеясь разрешить их чисто демократическим